

ПОДУШКА ІЗ ЛЕЗВИЇ

ІГУМНОВ Д.А.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис ИГУМНОВ

Подушка из лезвий

«Автор»

2016

Игумнов Д. А.

Подушка из лезвий / Д. А. Игумнов — «Автор», 2016

Сборник рассказов, в которых тонкая перегородка, отделяющая наш мир от потустороннего ужаса, ломается, крошится, падает, открывая путь прожорливой тьме и безумию. Грибник едет на поиск новых грибных лесов и находит... но совсем не то, что ожидал. Муж, потерявшей жену, запивает своё горе кровью. В альтернативном потоке истории Мексика после открытия секрета воды становится мировой доминирующей рабовладельческой империей. Врач-садист ставит эксперименты над душевнобольными людьми и на выходе получает непредвиденное чудо. Банда чернокожих парней - "Палачи", терроризируют провинциальный американский город, и никто не может остановить насилие, кроме самой смерти. Два друга проваливаются в малиновую реальность злобных карликов и не могут выбраться из липкого кошмара до наступления спасительного рассвета. Содержит нецензурную брань.

© Игумнов Д. А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Грибная жарёха	5
Дельфинчики в моей голове	11
Под знаком сомбреро	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Денис Игумнов

Подушка из лезвий

Грибная жарёха

Игорь Александрович Наумов, мужчина сорока двух лет, по своему характеру был классическим перфекционистом. К любому делу подходил основательно, добивался полного понимания внутреннего устройства любых вещей и вопросов. Да и выглядел он солидно, предпочитая в одежде классический стиль. Костюмы ему шли в ателье на заказ, учитывая пожелание Игоря Александровича, так чтобы они отлично подчёркивали ширину его квадратных плеч. В последнее время наглый жир, облюбовавший себе район живота, беспокоил его не на шутку, особенно Игорь Александрович расстраивался по утрам, когда смотрел на себя в большое зеркало, висевшее у него в прихожей.

В своём зрелом возрасте Игорь Александрович оставался привлекательным для противоположного пола самцом: ростом под метр девяносто, открытый взгляд, волевая англосаксонская челюсть, нос с благородной горбинкой, гладкие щёки, губы не пухлые, а правильной формы с несколько приподнятыми уголками, таящие тихую улыбку. По своей прямой профессии Игорь Александрович был инженером технологом пищевых производств, а работал, как и многие-многие в нашей стране, не по специальности, начальником отдела сбыта подмосковной кондитерской фабрики. Игорь Александрович хорошо зарабатывал, к тому же, пять лет назад, он развёлся с женой, и теперь деньги для него перестали быть проблемой в принципе. Он и так-то всегда отличался щедростью своей от природы широкой натуры. Для друзей, да что там друзей, просто для хороших знакомых он мог, не задумываясь, снять с себя последнюю рубашку. И в тоже время Игорь Александрович очень ценил в людях, прежде всего, благодарность и, если кто-то воспринимал его доброту, как слабость, а были среди его окружения и такие чудачки, быстро ставил их на место. Подчинённые его уважали и побаивались: провести начальника, обмануть в цифрах, наврать о командировках, – им никогда не удавалось. Он заранее знал все их уловки и, работая на опережение, сам общался со всеми ключевыми, и не очень, клиентами. Так он оставался в курсе всего происходящего у него в отделе.

Но имелась у Игоря Александровича одна маленькая слабость. Он был заядлый грибник. И как только наступал грибной сезон, в его душу вползало беспокойство. Он не мог ни одних выходных провести вдаль от леса. Особенно грибная лихорадка, прозванная в народе – тихой охотой, мучила его осенью. Он прямо-таки ни о чём другом думать не мог, как кроме о своих подберёзовиках, подосиновиках, белых.

Нынешний год выдался замечательно грибным, но также и работы летом и в начале осени хватало, так что Игорю Александровичу удалось выбраться в лес всего лишь с десяток раз, а для него это было преступно мало. Обычно эта цифра была в два-три раза больше. Тем ценнее становилась для него каждая экспедиция в лес за грибами в этом сезоне.

Наступил щедрый на урожай сентябрь, и земля начала рожать грибы с удвоенной силой. В первые выходные наступившего золотого месяца года, в субботу, Игорь Александрович, предварительно разобравшись со всеми текущими делами на работе, решил попытать счастья в новых незнакомых ему местах поиска грибов и, как он мечтал, щедрых на урожай представителей третьего царства. Он любил иногда устраивать этаким свободный поиск. Его воображение возбуждала вероятность найти какой-нибудь невероятный экземпляр гриба там, где, возможно, давно не ступала нога человека. Зонтик размером с барную табуретку, колонию ежевиков пёстрых или десант молодых кулачков Саркосомы шаровидной. В условиях исхоженного вдоль

и поперёк Подмоскovie это сделать было довольно сложно, но он не терял надежды и продолжал свои попытки снова и снова, забираясь всё дальше и дальше.

Раненько субботним утром, загодя, ещё до восхода солнца и бодрящей не по-детски перечлилки дворников, Игорь Александрович встал, приготовил себе завтрак, оделся – плотный серый непромокаемый плащ-штормовка, толстый свитер, тёплые штаны, резиновые сапоги – и стал готов к путешествию. Прихватив с собой корзинку и небольшой туристический мешок с припасами, грибник Наумов отправился в путь. На своём внедорожном Мицубиси (он и купил-то его именно для таких поездок за город, хотя и мог себе позволить более презентабельную машину), он отправился на границу Тверской и Московской области. Заранее рассчитав маршрут, отметив его на карте и забив в своём айфоне, он поручил к расчётной точке начала своего пешего похода. Ехать пришлось, без малого, пять часов – и это при том, что он только около часа потерял, чтобы выбраться из дорожной ловушки столичного мегаполиса. Пробки, знаете ли. Даже по субботам. Даже по утрам. Надо было бы выехать ещё раньше – часа за два до восхода.

Там, куда он заехал, нормальные дороги отсутствовали, как явление искусственной природы, в принципе. У него создалось такое впечатление, что те остатки асфальта, которые не успели заграбастать себе чиновники, местные лешие начинали воровать ещё до того момента, как он переставал дымиться. Ну, да бог с ним. Такова наша жизнь. Се ля ви. Не жди перемен, но надейся на лучшее. Иногда могло и повезти. Главное – работать, работать и ещё раз работать.

По просёлочной дороге, по которой последние лет десять, наверняка, ездили одни лишь лесовозы да гусеничные трактора, Игорь Александрович доехал до опушки разлапистого тёмного ельника. Если верить карте, то деревень в округе двадцати километров не было, кроме одной под названием Большие СлЕпни или СлЕпнИ – как кому больше нравится. Дурацкое название, как ни крути. Хорошо, что обильных дождей здесь не шло недели полторы, и дорогу вконец не размыло. Грязь, конечно, была, но, так сказать, в умеренном количестве. Собственно, за эту беспросветную глушь он и выбрал здешний лес. Вроде бы не так далеко от цивилизации, а в действительности сказочная первобытность. Даже следы от гусениц тракторов не могли сломать впечатление об этом крае, как о месте безлюдном и неисследованном, почти что диком. Почти. Красота, есть где развернуться талантам настоящего грибника – не бабушкиного любителя, а настоящего профи, у которого уже давно выработался нюх на такие богатые дарами дикой природы места.

Припарковавшись, немного проехав в лес, настолько насколько это позволяли деревья, на глинистой обочине, прикрывшись от любопытных возможных глаз столетним, судя по его толщине, дубом, Игорь Александрович оставил автомобиль. Забрав с собой корзинку, мешок, и вооружившись нехилым таким тесачком, его всегдашним верным спутником в набегах на лесной мир грибов, Игорь вошёл в их царство. Он использовал в качестве компаса свой мобильный телефон и поэтому заблудиться не боялся. Первые полкилометра он не мог надышаться таким чистым, словно специально витаминизированным хвойными ароматами, воздухом. Потом Игорь Александрович повернул налево, стараясь, по началу, недалеко уходить от опушки. Он по своему многолетнему опыту знал, что в самом центре лесной глуши редко попадаются настоящие залежи грибных сокровищ. Хотя в его практике и случались невероятные и от этого наиболее бесценные исключения. В поиске он всё же полагался на свою интуицию, а не на известные каждому встречному и поперечному закономерности.

Здесь, в лесу, было сухо, но не так чтобы очень, не пересушено, а в самый раз. Как раз то, что нужно. Но съедобных грибов что-то видно не было, да и поганок тоже. Странно. Земля, покрытая мягким покрывалом год за годом падающих с елей и сосен иголок, приятно пружинила. Может, все грибы оказались погребены под толстым слоем хвойного ковра? Нет. Просто Игорь Александрович ещё не нашёл ту путеводную ниточку невидимых подсказок, немых шёпотов, которая его всегда выручала, будь то небольшие рожицы – лески на его даче, или

настоящие заповедные буреломы, которые, он был в этом уверен, ждали его дальше, стоило ему лишь углубиться в лесные чащобы и буйные заросли лечебных трав. В любом случае себе на жарёху Игорь Александрович набирал всегда и сегодняшний день, как он считал, не станет исключением.

Пройдя километра два и не найдя абсолютно ничего (не было не только грибов, но и ягод), Игорь Александрович решил поменять тактику. Он повернул на сорок пять градусов и направился в самый центр леса. Трудности начались через десять минут. Стали попадаться завалы, ямы со стоячей тёмной водой, ветви деревьев начали его теснить со всех сторон и карябать, будто предостерегая от дальнейшего продвижения вглубь. Но Игорь был упрямым грибником и такие пустяшные неудобства остановить его, конечно, не могли. Он упрямо шёл за вознаграждением, веря в свою удачу.

Наконец Игорь Александрович вышел на идеально круглую полянку, со всех сторон окружённую жёлтой стеной из сосен. В центре поляны торчал старый пенёк. Большой, величиной почти с Игоря, оставшийся здесь загнить от какого-то дерева великана, ствол которого непонятно кто утащил, при этом умудрившись не потревожить ни одного более молодого соседа. Обойдя по дуге, стороной, огрызок растущего когда-то здесь лесного царя, Игорь Александрович очутился с другой его стороны. Вот здесь-то его и поразил радостный паралич. За пнём скрывался гриб рекордсмен – высотой добрых семьдесят, или даже больше, сантиметров. Боровик. С толстой коричневой шляпкой, из-под которой выпирала зелёная пористая губка грибной споровой подушки, продолжающая неправдоподобно толстую пузатую ножку. Сколько же он весил? Пять кило? Семь? А может быть, все пятнадцать?!

Из задумчивого созерцания гриба феномена Игоря Александровича вывел странный звук, похожий скорее на скрип, но не только. Было в нём что-то знакомое, как от звуков издаваемых исключительно живой материей. Игорь Александрович напрягся, посмотрел по сторонам, но ничего не увидел, и когда уже перевёл взгляд обратно на гриб, то сразу заметил, что тот переместился. Он глазам своим не поверил! Неужели такое бывает? Словно желая дать ему неопровержимое доказательство его чувствам, гриб качнулся сначала в одну сторону потом – в другую, его нижняя часть ножки, вылезая из мха, заметно удлинилась и становясь всё более похожей на ложноножку какой-нибудь там мутировавшей амёбы. Гриб сделал плавный рывок вперёд, сразу пододвигая всего себя ближе к Игорю Александровичу. Вот тут-то грибник-любитель не на шутку испугался. Такие дела Игорю Александровичу совершенно не нравились. В голову стала лезть всяка чертовщина – пришельцы из дальнего космоса или вполне земная нечистая сила. Но то был всё народный фольклор, фантазии воспалённого ума, а здесь Игорь Александрович пристально следил за происходящей небывальщиной на самом деле, в совершенно обыкновенной реальности.

Игорь Александрович, не раздумывая, повернулся назад и решил бежать, придерживаясь того пути, по которому пришёл на эту страшную полянку. Но, не сделав и двух шагов, он был вынужден остановиться. Среди деревьев мелькали такие же грибы переростки, как и тот, что приближался к нему, стремительно выползая из-за пня. Большинство из них, как он смог разглядеть, были благородной породы, то есть трубчатыми, но среди их маститой оравы мелькали и вымахавшие до гомерических размеров плотные свинушки, сопливые валуи, ядрёные рыжики и белые грузди. И все они двигались по-особому. Некоторые подпрыгивали, словно в их ножки вставили мощные матрасные пружины, другие пытались ползти, а третьи ковыляли так же, как обнаруженный им первым крепыш боровик. И все они пищали, созывая своих собратьев со всего леса. Давали ориентир, помогали друг другу. Грибы устроили самую настоящую облаву на живого человека.

Поняв, что к машине просто так не пробиться, Игорь Александрович был вынужден бежать в противоположном направлении – в лес, в чащу. Он хотел обойти преследователей по широкой параболе и вернуться в начало пути, но вышло по-другому. Грибы его гнали умело,

постоянно появляясь то с одного боку, то с другого, то возникая прямо перед ним, не давая ему и минуты роздыха. Бежать по лесу – занятие не из приятных и лёгких, а убегать от ожившего нечто в резиновых, по определению непредназначенных для такого рода передвижения тяжёлых сапогах – тем более. Игорь Александрович, постоянно спотыкался, проваливался в чьи-то норы, сбивал дыхание, набивал шишки, обзаводился царапинами. Его хлестали по лицу ветви деревьев, обдирали сучья, и всё же ему казалось, что он развил вполне приличную крейсерскую скорость. К сожалению, грибы, несмотря на их кажущуюся медлительность, не отставали. Почему? Почему, чёрт возьми, это происходило? Как это вообще возможно?

Игорь Александрович совсем выдохся, когда земля пошла под уклон и ему, слава богу, стало легче бежать. Он уже давно бросил корзинку и откинул в сторону рюкзак – так было легче улепётывать, – из всего своего обмундирования оставив себе лишь, как средство личной самообороны, нож. Правда, в сложившейся ситуации, он мало чем мог ему помочь. Ещё через минуту бешеного галопа и Игорь Александрович оказался в месте, напоминающем овраг – провал земли с левым, относительно пологим склоном (по нему-то он бежал), и правым крутым, как берег реки. На дне оврага росли молодые деревца, в основном – осины и трава, много сочной высокой травы – осоки. Беглец повернул голову влево и увидел, что в конце оврага, там, где он кончался, несла свои воды на юг большая река. Это как раз то, что ему сейчас было нужно – придерживаясь реки, он быстро доберётся до людей. Игорь задышался, ему поплохело, но увидев воду, он, словно загнанный зверь, уже был снова готов бежать вперёд.

Дорогу Игорю Александровичу перегородил вылезший из кустов вереска огромный, чуть ли не с него ростом, груздь – белый, с круглой шляпкой, в центре которой находилось воронкообразное углубление. Под шляпкой шевелились пластинки, похожие на жабры, они раздвигались и тут же снова сдвигались. Гриб выделял белый мучнистый сок. Оп! У груздя юлой закружилась шляпка, – ножка оставалась неподвижной, а шляпка раскручивалась всё сильнее, и когда она достигла, видимо, максимальной скорости, с её краёв, в направлении Игоря Александровича, полетела струя млечной росы. Он еле успел отклониться, лишь на руку ему попали скудные молочные брызги. Внешнюю сторону ладони сразу ожгло, как огнём. Сок, выделяемый грибом, разъедал плоть не хуже соляной кислоты. Наумов взвыл и, цепляясь за воздух, пополз по почти отвесной песчаной стене, стремясь во что бы то не стало выбраться из оврага наверх, уйти от химической атаки хитрого груздя. И это ему удалось. Цепляясь за редкие кустики, пучки травы, он добрался до края оврага, перевалил его и, чувствуя себя умирающим от удушья больным, с трудом поднялся с четверенек на ноги.

Перед Игорем Александровичем лежало заросшее сорной травой поле. Возможно, на нём что-то когда-то и выращивали, но только не в этом веке. И здесь его сердце радостно забилося. Невдалеке, всего в каких-то трёхстах метрах, виднелась деревня. Люди! Теперь он спасён. Осознание близкого спасения придало ему сил, и он рванул по полю так, будто и не было всех тех десятков минут предыдущего безумного забега по лесу. Он бежал и кричал:

– Люди! На помощь!! Помогите!!!

Ворвавшись на деревенскую улицу непрошенной кометой смеси надежды и ужаса, и присмотревшись к первым двум домам, свою радость Игорю Александровичу пришлось поумерить. Дома выглядели явно нежилыми, заброшенными. Выбитые окна, открытые двери, съехавшие на бок крыши. Побежав дальше к центру, он, хоть ему очень этого и не хотелось, признал – деревня давно покинута людьми. А с противоположной околицы уже пищало. Игорь Александрович увидел мелькающие среди домов коричневые, белые, красные, оранжевые, оливковые пятна грибных голов. Его преследовали грибы мутанты. Застонав от досады, Наумов кинулся к первому попавшемуся, показавшемуся ему подходящим, дому. Одноэтажная, сложенная из потемневших от времени брёвен изба. Ставни на всех окнах плотно закрыты. Лишь бы дверь осталась открытой. Игорь забежал во двор и кинулся к крыльцу.

Ему навстречу из-под крыльца выскочил подберёзовик-переросток. Игорь Александрович, не снижая скорости, рванул влево, пригнулся и прыгнул. Манёвр удался, гриб остался за спиной. Радоваться было пока рано: ступив на первую ступеньку, он почувствовал, как его лодыжку обвило упругое кольцо пульсирующей холодной бугорчатой материи. Он обернулся, подберёзовик вытянулся и, превратив свою ножку в некое подобие щупальца, захватил его ногу и старался стащить Игоря Александровича со ступенек. Грибник спешил, сильнее сжав нож в кулаке, он ударил снизу под шляпку, потом ударил ещё несколько раз. Каждым своим ударом ножа он протыкал мягкую податливость плодовой губки гриба и ослабевший подберёзовик, не выдержавший твёрдости острой стали, его отпустил. Из ран, нанесённых Игорем, закапала чёрная слизь. Отскочив на метр, гриб зашипел, а потом засвистел. Поганец созывал своих, недвусмысленно указывая место, где хотел спрятаться человек.

"Только бы дверь оказалась открытой", – думал Наумов, толкая её от себя. Повезло. Игорь забежал в дом, захлопнул за собой дверь и запер её на массивный железный запор (тоже удача). Он оказался в единственной большой комнате избы. С двух сторон были по два окна, от противоположной входу стены на него смотрела, широко открыв дыру удивлённого рта, большая русская печь. В избе было темно – сквозь ставни проникало столько света, сколько позволяло вломившемуся с улицы незваному гостю рассмотреть лишь дымчатые контуры скисших от времени, нехитрых предметов домашнего обихода.

Игорь Александрович подскочил к окну и через щель между ставнями посмотрел наружу. Дом был уже со всех сторон окружён грибами, и они всё ещё продолжали прибывать. Они пищали, шуршали опавшей листвой и подходили всё ближе к деревянным стенам его временного убежища. Изба перестала казаться Игорю Александровичу неприступной – хлипкая преграда отделяла его от армии мутантов. В конце концов, издаваемые грибами звуки усилились настолько, что стали походить на безудержный хохот самого леса. А дистанция, меж тем, между ним и ими всё сокращалась и сокращалась.

Словно опасаясь, что грибы могут наброситься на него, фантастическим образом минув стены, Игорь Александрович отошёл в самый центр комнаты. Его глаза привыкли к полутьме, и он теперь мог в некоторых подробностях рассмотреть внутреннее убранство крестьянского жилища. Но не предметы ежедневного обихода его интересовали в первую очередь. Вокруг царил разгром. Переломанная мебель, зарубки на стенах, глубокие царапины на досках пола и отпечатки. Смазанные коричневые отпечатки ладоней на белой поверхности печи. И Игорь (о боже!) догадался – деревню никто не покидал, её жителей истребили грибы-выродки! И как только он сделал это открытие, доски пола рядом со стеной треснули, и их щепки брызнули в разные стороны. В образовавшуюся дыру стал с трудом первым протискиваться большой белый гриб. Края отверстия были неровными, состоявшими из острых заноз и зазубрин. Тёмно-коричневая шляпка белого гриба растягивалась, проминалась, но постепенно проходила через рваные края дыры. Занозы и обломки досок, с силой вдавливающиеся в грибную плоть, не оказывали ему никакого вреда, лишь от трения дерева со шляпкой рождался неприятный резиновый скрип, такой, какой бывает, когда по воздушному шарiku с силой проводят пальцами.

Игорь Александрович стоял заворожённый явлением пришествия грибного мутанта из подпола. Когда шляпка вся полностью прошла в дыру, на ножке, там, где она начинала вращаться в пористую губку, на границе этого сочленения, с глухим хлопком открылся глаз. Игорь сразу понял, что это именно глаз, хотя по виду он напоминал скорее пупок, заполненный красным смородиновым желе. Это стало последней каплей. Наумов высоко над головой поднял нож и кинулся в атаку. И не успел. Дом качнулся и стал крениться на правый бок. Ставни одного окна, потом другого, потом всех остальных, вылетели и в образовавшиеся проёмы, свистя и попискивая, полезли подосиновики, подберёзовики, маслята, моховики...

Выпотрошенная тушка Игоря Александровича, насаженная на деревянный сук-вертел, висела над затухающим костром. Ночь. Мухоморы-прислужники следили за тем, чтобы мясо хорошо прожарилось, подрумянилось, но ни в коем случае не подгорело. Вокруг укрощённого огня, подсвеченные его мирными отблесками, играющими на углях, сидели грибы. Их было много. Тут же рядом валялись вещи грибника неудачника – корзинка, нож, мешок и выпавшие из него вещи (охотничьи спички, носки, термос). Грибы, тихо попискивая, общались. Переговариваясь между собой, они сетовали на то, что в этот раз удалось добыть совсем мало еды. И всё же они не унывали, раз на раз не приходится, но ведь на жарёху-то всегда хватит. Ведь так?

Дельфинчики в моей голове

В начале июня в Москве, почти каждый год, бывает даже очень хорошо. Ещё не так жарко, но ночи уже тёплые. 22 градуса тепла это самое то для такого большого мегаполиса. Комфортная погода для работы и для любви.

Женя Горохова сегодня в выходной по случаю дня России понедельник ехала на троллейбусе в Ашан за покупками. Ну, как за покупками – так, хотела себе на лето новых купальников там, платьев, босоножек, прикупить. Она не спешила, наслаждалась погодой и даже не побежала к отходящему от остановки нужному ей номеру. Спешить ей сегодня не хотелось. Их с мужем старенький Шевроле Круз, как назло, два дня назад сломался и теперь стоял в автосервисе, откуда они могли его забрать, по случаю праздников, в лучшем случае во вторник или среду. Олег – муж Жени – наотрез с ней отказался ехать. Благородно плюхнувшись на диван, заявил: "Знаю я тебя, поедешь и на весь день в торговом центре зависнешь. Меня твоим часочком не проведешь. Завтра в институт, а я за три дня ни одной минуты дома не был. То одно, то другое... Никаких особо тяжёлых предметов тебе тащить не придётся, так что езжай сама". – Ну не наглость, а? Из-за этого она с мужем немного поскандалила, так, для порядка, хотя ей и самой, в этот раз, хотелось поехать одной. Вот только троллейбус... Фи, общественный транспорт.

Жене было 22 года, и она в следующем году должна была сдавать ГОССЫ и писать диплом. То есть сначала писать, а потом сдавать. Училась она на биофаке МГУ, там же, где и её муж, только он уже являлся заслуженным аспирантом, любимчиком преподавателей и его научных руководителей. В общем, они были типичной парой молодожёнов. Оба москвичи из интеллигентных семей. Все вокруг их считали идеальной парой. Действительно, они друг друга любили и переживали тот счастливый период, когда молодость, не растраченная в постельных баталиях сексуальность, давали знать о себе каждую ночь – и не один раз подряд. Для половины женщин занятия любовью не были чем-то приоритетным, но не для Жени – она регулярно испытывала честные оргазмы и совсем не понимала, как вообще в сексе можно обходиться без них. Конечно, до модельных эталонов молодожёнам было далеко, и всё же Женя и Олег были симпатичной парой. Особенно Женя – небольшого роста, с прекрасным телом, гладкой кожей, сильными ногами, грудью четвёртого размера, плюс – плоский живот, широкие бёдра и попа, не то, чтобы большая, но очень по-плотски соблазнительная.

Женя, от природы блондинка, едва уходящая в рыжину, но почему-то всегда красилась только в рыжий цвет. Она считала, что так она выгодно подчёркивает этим свои большие зелёные глаза. Круглое лицо её типично русское, скуластое, с румяными щёчками, так и хотелось расцеловать, настолько милым и непосредственным оно казалось. А ещё у Жени была замечательная анатомическая особенность, ну очень нравящаяся Олегу. Это были её ступни – маленькие, изящные, но не узкие, а такие широковатые с розовой полнотой пяточек и маленькими аккуратными прямыми пальчиками, выстроившимися за большим пальцем чётко по росту. Олег их обожал и часто ласкал их разнообразными, но не пошлыми способами.

Сам же глава молодой семьи – Горохов – выглядел менее ярко, чем его жена, но отличался умом и, что немало важно, его остротой и высокой производительностью мыслительного процесса. За словом в карман не лез и мог выиграть любой спор. Внешне он походил на актера Евгения Миронова в молодости, с таким же неуловимо удивлённым выражением лица, круглыми наивными глазами, широким лбом, по-детски мягким ртом. Но он был отнюдь не хлюпик и мог постоять за себя не только словесно. Характер имел упрямый и всегда добивался своего, чем, собственно, и понравился своей будущей жене. А потом выяснилось, добавилось таким приятным сюрпризом к интеллектуальным способностям Олега, что он ещё ненасытен и умел в постели.

С деньгами, правда, было не очень, но родственники помогали. Потом перспективы были туманны. Женя, правда, ни на секунду не сомневалась, что Олег, при его способностях, быстро найдёт себе хорошую работу, а о собственных заработках она и не думала. Семью должен обеспечивать муж – так ей всегда мама говорила. Пока беззаботное существование мотыльков молодожёнов вполне устраивало. Жили они отдельно от своих родителей, на квартире, доставшейся по наследству от любви не чаявшей в Олеге бездетной сестры его бабки. А что им ещё было нужно? Немного денег, получаемых от подработок Олегом, вполне хватало им на еду и одежду, а уж телесных радостей у них было вдоволь.

Женя сидела в передней части салона. Думала о чём-то своём и совершенно не следила за происходящим на улице. А троллейбус остановился на перекрёстке, дождался зелёного сигнала светофора и, тронувшись с места, начал пересекать одну из самых широких магистралей города. С противоположной стороны ему навстречу двигался бензовоз. Ехал он как-то нервно, вихляя из стороны в сторону, но главное – это скорость, которую он успел набрать к середине перекрёстка, она была для тяжелогружённой машины просто фантастической. На улице во всю загудели клаксоны. Кто-то закричал. А бензовоз на скорости, прямо в лоб, протаранил троллейбус: кабину водителя он смял сразу, подскочил и забуксовал колесами в его салоне. Цистерну развернуло, и она боком ударилась о борт покорёженного троллейбуса. Через секунду под днищем бензовоза что-то чиркнуло, пробежала искра и цистерна с бензином взорвалась. Море огня поднялось вверх, забурило чёрным дымом и почти сразу пало вниз, накрыв собой троллейбус и ещё захватив изрядное количество свободного пространства вокруг. Жар был такой, что у ближайших, затормозившись за несколько метров от огненного озера, автомобилей оплавилась все не металлические части – бамперы, держатели боковых стёкол, резинки дворников. Шансов выжить у Жени не было – и в гроб с места происшествия отгрузили одни угли...

"Дрянь, какая же всё это дрянь. Похмелье, длящееся шестой месяц. Женя умерла и мне оказалось не зачем жить... Почему я с ней не поехал? Тупой ленивый идиот. Если бы мы поехали вместе, то наверняка сели бы на другой троллейбус – и сейчас бы он была жива. У-у, суууука. Как же мне плохо... Ничего не помогает. Врач психотерапевт мне обещал, со временем будет лучше. С каким временем? Мне что, полегчает лет через двадцать? Хотя бы выписанные им таблетки помогали, так ведь нет эффекта, ноль, лишь всё тело от них чешется. Нет, так дальше не пойдёт, надо сходить на приём, попросить чего-нибудь более сильного".

На носу был новый год, со дня аварии прошло почти шесть месяцев, а Олег страдал от глубочайшей депрессии. Он уже через месяц после трагедии пошёл к врачу. Знакомые посоветовали ему хорошего знающего мужика – психотерапевта Праздников Виктора Степановича. Но он подошёл к избавлению от безысходного чувства тоски, от потери единственного, до степени воя на луну, человека со странным безразличием. Советовал Олегу больше работать, начать регулярно заниматься спортом, искать отвлечения в новых увлечениях, стараться знакомиться с новыми людьми и в фарм поддержку выписал ему доступный всем желающим слабенький Персен. Олег этого Персена пережрал килограммы – и ничего. А по поводу новых знакомых и прочего, так Олег на одном месте и пяти минут высидеть не мог. Вот работа несколько отвлекала, но и то не всегда. К этому дураку Праздникову он ходил два-три раза в месяц, потратил на его консультации кучу денег, а этот учёный козел никак не реагировал на его жалобы, продолжая настаивать на прежних, назначенных им ещё в первое посещение методах лечения. Измученный, измотанный горем, боясь покончить жизнь самоубийством, Олег решил последний раз попытаться пойти на решительный штурм неприступной крепости жалости доктора, и если ему не удастся его уговорить, то придётся искать более чутко относящегося к заболеваниям пациентов специалиста.

– Да вы понимаете, я больше не могу. Мне повеситься хочется. Выпишете мне нормальное лекарство, а не этот примитивный Персен!

– Олег, вы понимаете, от остальных, как вы говорите, сильных лекарств и побочные явления бывают куда сильные и чаще, да – чаще. – Сложив руки на внушительном пузе, объяснил доктор.

Праздников, был не просто психотерапевт, а кандидат медицинских наук и понимал многое из того, о чём приходящие к нему люди и слышать не хотели. Олег оказался именно из таких, повысив голос, он почти прокричал:

– Да какие на хрен побочки?! Я сам сплошная побочка, мне сдохнуть легче, чем с постели встать!

– Я вас отлично понимаю, Олег. Время всё лечит, вам надо начинать жить, учиться жить заново, а не впадать в фармацевтическую зависимость от таблеток.

– Мне всё равно. Выпишите мне транквилизаторы, – упрямо и угрюмо пробубнил Олег.

– Я же вам с самого начала предлагал их выписать. Вы отказались.

– Что? – ошарашено переспросил Олег.

Он отлично помнил, что никаких подобных предложений от доктора не поступало. Бесплатный цирк, да и только. Хорошо, Олег решил не нагнетать, он постарался расслабиться (получилось ни очень, но всё же) и произнёс:

– После шести месяцев кошмара, я наконец решился. Вы были правы – мне нужны транквилизаторы.

– Хорошо, но после не приходите ко мне и не жалуйтесь, что что-то там пошло не так, – совсем не как профессиональный доктор, а как обиженный мальчик сказал Праздников и раздражённо поправил очки.

Доктор, конечно, не совсем это имел в виду, но Олег последовал его совету и больше к нему не пришёл. Да, и потом ему понадобился совершенно другой доктор.

Транквилизатор назывался Метагексанол. Новинка на рынке. Он за две недели сотворил настоящее чудо. Олег успокоился – тревога ушла на второй план, тоска осталась, но стала не такой депрессивно всеобъемлющей, раздражающе тягучей, накрывающей психику чёрной грозовой тучей каждое утро. Просто Олегу было жаль, но главное – он начал жить. Жить порой пробуксовывая, словно медленно ползущий по грязи вездеход, но он целеустремлённо вытаскивал себя на сухую проезжую часть жизни. Топливом для его двигателя стал чудо транквилизатор. Он научился плакать – и этот такой естественный акт человеческой природы приносил ему облегчение. Два месяца было всё замечательно, пока одним мартовским утром Олег заметил в себе некие изменения, которые его взволновали по-настоящему.

"Что-то не так. Мне не хватает чего-то простого и такого привычного утром... на что я раньше и внимания не обращал. Блин. Что же это может быть?".

Олег недавно встал, поправил трусы, которые постоянно врезались в яйца, пошёл на кухню, взял кувшин и пока пил холодную приятную кипячённую, казавшуюся почти сладкой воду, наслаждаясь её вкусом через край, его осенило. Вот чёрт! Вода, сразу потеряв всю свою привлекательность утренней прохлады и свойства антифриза для желудка, перестала его интересовать. Он ещё с секунду постоял с поднятым к губам кувшином, позволяя воде литься ему на грудь, потом поставил его на стол и схватился за свой конец. У него уже третий день подряд отсутствовала традиционная утренняя эрекция. Такого он не помнил с тех времён, когда он ещё голожопым бегал от мамы по двору деревенского дома бабушки. Олег гордился своим мужским началом гораздо сильнее, чем это могло показаться его знакомым или его девушка. Ходоком он не был, но и прыщавым задротом – тоже. До того, как он без памяти влюбился в Женю, у него в постели побывало с десятков тёлочек. С момента смерти жены он постился, о сексе и не помышлял, регулярно снимая накопившееся напряжение онанизмом. И никогда с эрекцией у него вопросов не возникало. Можно даже было сказать, что ручное расслабление, особенно в первые самые тяжелые шесть месяцев, помогало ему забыться лучше всяких лекарств. Звучало грубо и совсем не романтично, но может именно ежедневная мастурбация

не дала ему окончательно свихнуться от горя. Что поделать, такова реальная жизнь. От таких фактов никуда не денешься. И не надо врать самому себе. Любовь любовью, а физиологические потребности ещё никто не отменял... И вдруг на тебе.

"Может я ошибся и со мной всё в порядке? Может это я себя просто так завожу? Мне перестало сильных впечатлений хватать? Ладно, сейчас проверим".

Олег сел в кресло, закрыл глаза и сосредоточился. Бывало, ему лишь стоило представить голую девушку – любую девушку, у которой есть грудь, ну и ноги, и руки, конечно, и у него сразу начинал опухать стручок. А сейчас ничего – полный, мать его, штиль. В каких он позах и кого он только себе не представлял и девочек из молодежных групп и мировых кинозвезд и офигенную соседку с нижнего этажа, всё без толку. Он уже и поглаживать его начал, чего прежде никогда не делал – эффект тот же. Ноль. Полный. Тогда Олег Горохов бросил фантазировать и кинулся к своему ноутбуку. Он очень спешил. Включил. Зашёл в поисковик. Набрал запрос – русское порно и нажал на первый вывалившейся сайт с бесплатной порнушкой.

"Ну-ка, давай. Ну же... ну... О вот этот ролик подойдёт и телочки вроде ничего. Так".

Из динамиков полились стоны и неприличные крики. На экране замельтешили соблазнительные обнажённые тела.

"И, и, и... Не стоит – вялый, как хобот у дохлого слона. Гадство, если я и дальше буду так наяривать, то могу и головку, к хренам, оторвать. За что мне всё это? Почему я?".

После ещё нескольких последовательных неудачных попыток, Олег отправился в институт. А после работы на кафедре, сразу же побежал в платную поликлинику к врачу сексопатологу. Прежде всего он прекратил приём метгексанола. Началось долгое лечение: что Олег только за следующие полгода не перепробовал – это и трибестан, сеалекс, золотой корень и йохимбин, ловерон, виагра. Плюс диета – орехи, мёд, морские моллюски. И что же бы вы думали, как эрекции не было, так и нет. Олег перечитал гору учебной литературы по поводу мужского здоровья, стал специалистом-любителем в этом вопросе, но всё это ему не помогало. Надо отметить, что при всём при том, если верить анализам, уровень тестостерона в крови у него оставался на прежнем, совершенно нормальном уровне. Врачи эту загадку объясняли просто психологической травмой и чрезмерно усердным лечением её транквилизаторами. Иными словами, в голове Олега что-то там сдвинулось, и процессы в дуге нужных желёз как-то (как точно – никто не знал) были нарушены. Он этим туманным объяснениям не верил. Травма была, да, конечно, но в то же время единственным светлым моментом во всей этой суеде оставалось то, что он не так много теперь думал о погибшей Жене. Не сходилось что-то в теории медиков, не сходилось. Олег превратился в злого озабоченного сексом импотента – и этот момент его напрягал больше, чем потеря способности заниматься любовью.

Наступил август. Горохов собирался в экспедицию вместе с группой учёных из Владивостокского института исследований моря. Целью научного похода являлось изучение поведения диких дельфинов и их взаимодействия между собой – как их отдельных групп, так и определение закономерностей иерархической структуры внутри этих сообществ (конечно, если такие закономерности вообще существовали).

Раньше приборы измерения уровня энтузиазма в организме Олега просто бы зашкаливали, а сейчас вся подготовительная суеда экспедиции его страшно раздражала. Ехать он никуда не хотел, хотя он мог бы получить бесценный опыт и набрать достаточно интересного материала для будущей кандидатской. И всё же – делать было нечего, он поехал.

Всего от его института в экспедиции участвовало трое – он, его научный руководитель – профессор Кадышев Степан Николаевич, – и младший научный сотрудник – преподаватель зоологии Семёнова Надежда. Надежда на редкость не симпатичная женщина – 35 лет, не замужем, бездетная. Вся какая-то растрёпанная, серая, сухая, словно вобла, костлявая, плоская доска с длинным носом, муравьиными глазками и ко всем своим прелестям с непреходящим,

казавшемся Горохову вечным, прыщом под носом. И вот эта супергоргулья заигрывала с ним и тогда, когда он был женат, и после смерти Жени продолжала донимать.

Профессор Кадышев, человек заслуженный, придирчивый к мелочам, но справедливый, относился к Олегу довольно снисходительно. Гнобил студентов-аспирантов в меру и старался передать им свои знания как можно в более понятной и, что немаловажно, полной форме. Кадышев достиг шестидесятилетнего рубежа в прошлом году, удерживая физическую форму сорокалетнего и оставаясь подтянутым импозантным мужчиной. Лицо чистое, почти без морщин, аскетичное, скуластое, глаза ввинчены глубоко под надбровные дуги и стреляли оттуда хитрым ироничным прищуром. В одежде он предпочитал вещи эстетской направленности: в частности, он обожал бархатные пиджаки разных расцветок. В его гардеробе их насчитывалось не меньше дюжины.

Остальные десять человек исследователей представляли, собственно, само океанографическое общество. С ними Олег был почти не знаком, видел некоторых из них на научных конференциях, да и только. В основном, все не старше сорока, молодые специалисты мужчины. Женщины среди них отсутствовали. Не то чтобы их не было совсем, но по стечению обстоятельств те четыре представительницы слабого пола, которые должны были поехать, по разным причинам отказались от экспедиции. У одной заболел ребёнок, другой надо срочно было оформлять наследство, и так далее и тому подобное. Может оно и к лучшему, как в шутку, говорят старые моряки: «Женщина на судне к беде». И вот так вышло, что на всем судне из женщин осталась одна женщина – королева красоты Семёнова.

Научный сейнер "Павлов" отплывал из порта Феодосии. Добирался до приморского города Олег вместе со своими коллегами на поезде Москва-Феодосия. До порта доехали на такси. Погода радовала бархатным теплом, чистым небом и солнцем. У причала их ждал выкрашенный в белый цвет сейнер. Большой корабль. Раньше он ловил рыбу, а лет пять назад его отдали под научные нужды. Всё лучше, чем сплавить в металлолом. Получив соответствующее его научному предназначению оборудование, он превратился в исследовательскую лабораторию, и после того, как Крым вновь стал российским, сменил место дислокации с Туапсе на Феодосию.

Море спокойно сверкало, мерно покачивая сейнер. Ветра и волн почти не было. Казалось, под этим высоким, выцветшим до скудно голубого цвета куполом неба можно наслаждаться жизнью и ни о чём не думать. Но всё это великолепие действовало на Олега угнетающе. За всю дорогу от Москвы он и парой слов не перекинулся со своими спутниками, а теперь вот это. Он чувствовал себя лишним, никому не нужным. Уродом. От всех этих мыслей его настроение только ухудшилось. Депрессия.

Загрузились на корабль. Ему досталась одна каюта на двоих с профессором. Удобства минимальные. Галлюн общий для всего экипажа, в конце коридора. В каюте две койки, одна над другой, умывальник, раскладывающийся столик, прикреплённый к стене, шкафчик для личных вещей, два стула, – и всё. Да, суровые ребята эти рыбаки, ничего не скажешь. Всё им ни почём. Правда, комфорт не интересовал Олега. Ну то есть вообще. Он ещё в поезде, когда просматривал статьи в интернете на тему, которая теперь его интересовала 24 часа в сутки, натолкнулся на интересный метод повышения общей работоспособности всего организма, положительно влияющий и на половую функцию. Способ был прост до безобразия. Стоило всего лишь в течение месяца пить кровь марала – северного оленя – и порядок. Но где же эту самую маралью кровь в Крыму найдёшь, да ещё в открытом море? Дилемма. Вопрос на все времена. Олег до такой степени зажегся новой идеей, что всерьёз рассматривал возможность всё бросить и лететь в край полярной ночи, и северных оленей, к чукчам. Удержало его от этого не обдуманного поступка только понимание того, что его начальник – Степан Николаевич – никогда бы не понял такой самозванной экстравагантной подставы, и на дальнейшей карьере биолога и кандидатской работе можно было поставить жирный крест. Кадышев таких

шуток не понимал. Личные вопросы – это одно, а научная работа, исследования, – совершенно другое. И накладываться одно на другое не может по определению.

На корабле было две лаборатории, аппаратная и кают компания. Самым большим помещением на сейнере был переоборудованный под научные нужды трюм-холодильник, где раньше хранили всю выловленную рыбу. Теперь там в центре установили бассейн со стеклянными стенками, а вокруг расположили железные столы, камеры видеонаблюдения, шкафы с различными инструментами.

Отчалив, все участники экспедиции собрались в кают-компании на совещание. Обсуждали план работ, распределяли роли. Все учёные радовались и будущей интересной работе, и просто лету, морю, воздуху, и только Горохов оставался мрачен. Он одним из первых вернулся в каюту. Пока остальные осматривали судно, он лежал на верхней койке и тупо смотрел в иллюминатор. Всю каюту оккупировали солнечные зайчики, весёлыми бликами, рикошетившими от воды, наполнявшие её светом и жизнью. Профессор притащил с собой портативный радиоприёмник и поставил его на общий столик. Вернувшись в каюту, Олег от нечего делать включил приёмник. По радио транслировали вполне подходящие под жаркое время года, но не под настроение Олега, песенки. Олег смотрел на море и бездумно слушал, как девичьи голоса выводили нежные, практически соловьиные рулады. Особенно ему в память врезались два простых куплета припева, которые потом ему долго слышались, донимали, когда он засыпал. Постоянно надоедливо повторялись, бежали по кругу, словно у него в мозгу заела старая пластинка.

Искрилось море золотым
Парили в небе чайки
Дельфины плавали в воде
Пугая рыбок стайки

Дельфинчики, дельфинчики
В моей голове
Мои маленькие птенчики
Моя мечта тебе

Через три дня поисков они натолкнулись на стаю дельфинов. Сначала их засёк эхолот, а потом и все находящиеся на палубе смогли сами наблюдать их. Пять-шесть взрослых особей сустились вокруг одного и того же места, нарежая круги, подплывая к чему-то, скрываясь из вида на глубине и снова появляясь. Вскоре стало понятно столь странное их поведение. Дельфины пытались помочь своему раненому собрату. Они подныривали под него, выталкивали на поверхность, не давая ему утонуть. Дельфин был плох. Плавники еле шевелились, всю тело покрыто страшными рубленными ранами, из распоротого брюха торчали кишки. С вероятностью близкой к 100 % можно было утверждать, что он случайно попал под винт, скорее всего, не очень большого судна, иначе его бы просто перерубило пополам. Но и полученных увечий вполне могло хватить, чтобы дельфин отдал душу своему богу Нептуну. Если бы не люди.

Посоветовавшись, учёные единогласно решили помочь дельфину. Попытаться помочь. С этой целью его прежде всего было необходимо поднять на борт. Для этой операции использовали сеть, на которой укрепили большой кусок брезента. Спустили лодку и с помощью шести матросов, отобранных капитаном сейнера, учёные окутали раненного дельфина и потащили, как на буксире, к кораблю. Те пять дельфинов, что пытались помочь своему несчастному собрату, забеспокоились, но мешать людям не стали. С помощью лебёдки дельфина подняли на корабль, а затем перенесли в трюм, туда, где стоял здоровенный бассейн-аквариум, должный послужить временным хранилищем для собранных в море различных его обитате-

лей. Но прежде, чем поместить раненного дельфина в бассейн, врач экспедиции оказал дельфину первую посильную помощь. Протерезинфицировал раны. Зашил самые большие порезы, в том числе и на брюхе, не забыв впихнуть кишки обратно, туда, где они до недавнего времени и обретались. Всё бы ничего, – и учитывая невероятную живучесть дельфинов, можно было надеяться на выздоровление, – если бы не одно «но». Голове дельфина тоже досталось. Винт задел череп по касательной, но этого хватило и кость треснула, и большой её осколок съехал на бок. Мозг получил удар и оставалось удивляться тому, что дельфин ещё жил.

Доктор сделал всё, чтобы спасти дельфина. Прооперированного дельфина с помощью специального подъёмного механизма, похожего на механическую руку, поместили в бассейн, предварительно укрепив на нём элементы нескольких спасательных жилетов. Никто из учёных – особенно доктор – после стольких предпринятых усилий не хотел, чтобы разумное морское млекопитающее утонуло. Оказавшись в бассейне, тело дельфина на три четверти опустилось под воду, на поверхности осталась лежать лишь часть головы с отверстиями, предназначенными для дыхания. Пациент находился в сознании, во всяком случае так казалось столпившемуся вокруг аквариума учёным и членам команды, хотя, наверное, и не понимал, что, собственно, вокруг происходит. У него шевелился хвост и немного дёргался левый плавник. Вода медленно окрашивалась в розовый цвет. Дельфины животные, у которых почти никогда не бывает сильных кровотечений, их организм мог противостоять самому жестокому воздействию внешней среды. Но в данном случае травмы оказались слишком тяжелы. Олег смотрел на раненное животное, и у него в голове, из этого розового тумана, сами собой, рождались мысли.

"Дельфины удивительные существа. Выносливые, живучие, умные. Сильные, ещё какие сильные, для них и акулы не страшны, сами могут чинить над ними суд и расправу. И очень кстати, их кровь имеет уровень гемоглобина в несколько выше, чем у человека... Наверняка её лечебные свойства ничуть не уступают маральей. А может, и превосходят её. Зачем же мне, как безумному, скакать в припрыжку на север или искать кровь у перекупщиков в Москве? Можно ведь просто воспользоваться случаем".

С этими мыслями Олег дотерпел до ночи, дождался пока все улягутся спать: как только профессор, законно для своих лет поворочавшись, захрапел, Олег спустился в трюм.

Бывший холодильник освещался скудно. Три лампы, закреплённые на бортах аквариума, создавали ему интимную подсветку, не более. Создавалось впечатление спальни с одним включенным настольным светильником. Дельфин плавал в бассейне завалившись на бок. Олег сразу понял – "рыбёшка" сдохла. Глаза его заголубели, затянувшись плёнкой потусторонней мути. Горохов обрадовался.

"Не придётся мучить несчастное животное. И мне хорошо и ему не больно".

Поискав в железных шкафах, на столах, он нашёл большой на 20 миллилитров одноразовый шприц; пододвинул к бассейну стремянку. Для такого случая он припас пустую пластиковую 1,5 литровую бутылку из-под любимой газировки Олега – Дюшес. Он не собирался заниматься вскрытием мертвого зверя, он только надеялся, чтобы длинны иглы хватило, и она достала до кровеносной системы. Олег нагнулся над бассейном, подтащил к себе труп, построил его поудобней, сообразно своим целям. Иглу он воткнул под плавник, потянул за поршень. Шло туго и сначала кровь не заходила в шприц, медлила, потом потекла. Дело пошло веселее. Наполнив шприц, Олег опорожнял его темное содержимое в бутылку, причём иголку, так удачно попавшую в какой-то крупный сосуд, из тела дельфина не вынимал: предусмотрительно не хотел возиться со шприцем ещё раз. Олег как можно быстрее хотел закончить и ретироваться отсюда. Кому хочется, чтобы его застали со шприцем в руке над свежим трупом?

Бутылка наполнялась медленно, и всё же жадность оказалась сильнее – он не остановился пока не наполнил пластиковый сосуд под самое горлышко так, что бывшая живая нефть стала выплёскиваться наружу. Закрутив крышечку на бутылке, Олег спустился со стремянки и быстрым шагом пошёл к двери. Проходя мимо последнего столика, ему в глаза сверкнула склянка

мерного стакана. Олег остановился, и, как хищная птица, схватил стакан. Нетерпеливо открыл пробку и наполнил тонкостенную ёмкость до краёв. Выливаясь из бутылки, кровь гулко булькала. Наполнив целиком химический стакан, Горохов поставил бутылку с оставшейся кровью на стол и, плотоядно облизнувшись, прильнул губами к стеклянному краю. Кровь не успела остыть. Жидкость была вязкая и по вкусу напоминала густой бульон из грязи и ещё какой-то нестерпимой гадости. Олег не ожидал, что будет настолько тошнотворно. Пересилив себя, он допил эту гадость, заставив проглотить всё до самой последней капли. Солёный привкус он так и не ощутил, зато после последнего глотка, его рот наполнило гальваническое железное послевкусие, отдающее больницей и дешёвыми медикаментами. Его ещё раз чуть не стошнило. Олег прикрыл ладонью рот, чтобы не вылилось обратно то, что с таким трудом ему удалось добыть и затолкать в себя.

И всё-таки Олег Горохов остался доволен. Впервые за год с лишним он заснул спокойно.

Реакция наступила в восемь часов утра, ровно по прошествии часа после подъёма. Учёные занимались обычными делами – изучали состав морской воды на предмет наличия специфических микроорганизмов. Судно прибыло в район, определённый для исследований, вошло в так называемое блуждающее пятно аномально высокой температуры и с населяющими его, отличными от окружающего моря жителями, начиная от самых маленьких – бактерий, одноклеточных и прочей мелюзги и заканчивая – моллюсками, червями и рыбой. Все суеились, работали, короче – занимались делом. Олег находился в одной из лабораторий на носу корабля, когда почувствовал растягивающую мышцы паха сильную ломоту. Он опустил взгляд к обеспокоившей его части тела и с всё более возрастающей радостью обнаружил свой член в крайне возбуждённом состоянии. Он затвердел до состояния жесточайшей одеревенелости. Такую выдающуюся эрекцию невозможно не заметить. И Олег, чтобы скрыть странное для окружающих состояние, и для того, чтобы элементарно освободиться впервые за полгода от скопившегося в его яичках семени, торопливо удалился в галльон. Уединившись, он немного успокоился и занялся обыкновенным укрощением своих сексуальных выдумок, то есть – онанизмом. Вдоволь надровичившись, Олег, так и не удовлетворившись до конца, с удивлением и некоторой долей благодарности к самому себе за проявленную им прошлой ночью смекалку, обнаружил, что пенис так и остался в стоячем состоянии и нисколько не потерял своей упругости.

Олег, горя обыкновенным желанием закрепить положенный эффект, из галльона вернулся в каюту и принял ещё одну порцию чудесного эликсира. За последующие десять часов он ещё четыре раза посещал место отправления естественных потребностей человека и так же четыре раза заставлял себя употреблять внутрь кровь дельфина. К восьми часам вечера кровь закончилась. – "Ну и пусть, всё равно её хранить негде, и она бы через сутки испортилась бы", – а состояние непреходящей эрекции усилилось.

Желание секса, настоящего секса, всё возрастало: в мозгу у Олега постоянно крутились кадры бесконечного порнофильма. В таком состоянии заснуть было ну просто невозможно. Олег еле дотерпел до того момента, когда Кадышев начал выводить громкие рулады носоглоткой. Натянув джинсы, он вышел в коридор и пошёл на противоположный конец корабля, где в гордом одиночестве, одна в каюте, по случаю своего женского пола обитала единственная на судне женщина – Надя наша Семёнова. Лампы горели вполнакала, создавая располагающую к романтическим свиданиям атмосферу южной ночи.

Олег постучал в дверь. Звук вышел громким, особенно учитывая, что давно стемнело и большинство учёных на судне спало. Испуганный голос из-за двери противным фальцетом спросил:

- Кто там?
- Надежда, это я, Олег. Открой, пожалуйста.
- Что вам нужно? – почему-то переходя на вы, продолжила допрос Семёнова.
- У меня к тебе дело. Открой, ну не через дверь же разговаривать.

Стукнула защёлка, дверь приоткрылась. И лишь в образовавшейся щели мелькнул зелёный прозрачный пеньюар, Олег ворвался в каюту. Вид полуобнажённого женского тела, пускай и на редкость уродливого, возбудил его сверх всякой меры. Он набросился на растерявшуюся от такого напора Семёнову, как тигр, и начал грубо срывать с неё невесомый пеньюар. Надя отбивалась слабо, всё время повторяя:

– Ну что вы делаете, Олег?.. Что вы делаете?

А потом отдавшись на волю победителя, продолжила:

– Олечка, ну что ты? Безумный!

Горохов ушёл под утро, оставив после своего набега лежащее на койке в сладкой истоме, истерзанное тело нашей Семёновой, но сам так и не удовлетворив внутренний пламень необыкновенно сильного желания. Олег так её самозабвенно трахал, что ему удалось то, чего не удавалось ни одному лосьону – казавшейся вечным застарелый прыщ, живущий на губе Семёновой, лопнул, выпустив наружу червячок неистребимого гноя.

Олег чувствовал себя на редкость бодрым, ничуть не уставшим. Такая выдалась бессонная ночь, а ему совершенно не хотелось спать. Правда, свою каюту он нашёл не сразу, а с третьей попытки. Каким-то образом он всё время возвращался к каюте Семёновой. Заставив себя чётко придерживаться правой стороны коридора, он добрёл до своей комнаты. Полежав меньше часа, Горохов встал вместе с проснувшимся профессором и отправился на работу. К обеду начались первые значительные неприятные симптомы. Закружилась голова, перед глазами померк свет, и он как-то сразу очнулся в медицинском отсеке. Над ним нагнулся врач – Гордеев Владимир, тот самый, что занимался экстренным ремонтом дельфина, а после, когда утром обнаружилось, что он издох, делал вскрытие и размещал его внутренние органы и всякие там железы по банкам, заливая их спиртом (после всех манипуляций выпотрошенный труп дельфина выбросили в море). И вот теперь он теми же руками, которыми возился с мёртвым животным, массировал Олегу виски. Увидев, что Олег пришёл в себя, сказал:

– Проснулся? Ну вот и славно.

– Я потерял сознание?

– Да. У тебя, дружок, сильно скакануло давление. И температура повышена на градус.

– Но я себя прекрасно чувствую.

– Да. Я взял у тебя кровь на экспресс анализ. Олег, у тебя ненормально повышенный уровень гемоглобина. Тебе срочно нужно в больницу.

– Глупости, – вспыхнул Олег, а потом подумал: "А может оно и к лучшему?".

– Через три часа мы причалим в порту Керчи. Я тебе дам направление, ляжешь в городскую больницу на обследование. Денег тебе ребята собрали, больницу предупредили, тебя ждут. Думаю, ничего страшного. Но я обязан страховать команду от любых возможных инфекционных заболеваний.

– Ладно. Понимаю... Я могу идти. Надо собрать вещи.

– Не надо. Все вещи уже собраны. Оставшееся время тебе лучше побыть здесь.

– Изоляция?

Пожав плечами, Гордеев смущенно произнёс:

– Вынужденная мера.

Доктор вышел в соседнюю комнату и зазвенел там пузырьками и какими-то инструментами. Олег лежал, заложив руки за голову и рассматривал потолок: чувствовал он себя совсем неплохо. Энергия в нём бурлила, сосредотачиваясь в нижней части туловища и оттуда уже разливаясь по всему телу.

Потолок опять начал крутиться через пять минут. Происходило нечто необъяснимое. Левым глазом он видел совершенно нормально, а вот правый транслировал в мозг совершеннейшую ерунду. Прямо сквозь занавеску, проникнув через её плотную ткань, в изолятор вплыл прозрачный доктор Гордеев, только обросший бородой: он злобно скалился и грозил Олегу

кривым пальцем. Олега аж подбросило, он сел и ошарашенно уставился на висевшего в метре от палубы призрака. Потом Олег прикрыл ладонью левый глаз – и иллюзия пропала, оставив после себя лишь светящееся изображение на радужной оболочке глаза. Прикрыл правый глаз – и призрачная чужь проявилась снова. Звать на помощь он не стал, решив пережить галлюцинацию, тем более никакой особой угрозы от висящего в метре над полом бородатого двойника доктора он не чувствовал. А через минуту призрак и вовсе пропал, растворился в воздухе. Списав всё на перенапряжение прошлой бессонной ночи, Олег стал дожидаться прихода сейнера в порт. Через два часа его высадили с чемоданчиком и справкой с данными анализов в порту.

Ни в какую больницу он решил не ехать (физически он чувствовал себя великолепно, лучше, чем когда-либо), а решил снять себе комнату и хотя бы три-четыре дня прожить рядом с морем, устроить себе импровизированный отпуск.

Пока он искал себе подходящее жильё, глюки вернулись, причём в ещё более зловещем и непонятном облике. Проходя мимо тёмных углов, переулков, арок проходных дворов, он краем левого глаза замечал, что там ворочается незнакомая ему жизнь. Странные люди появлялись оттуда и с их бледных, как у утопленников, лиц, не мигая, глядели светящиеся зелёным фосфором глаза. Они странно дёргались, срастались между собой и проваливались под асфальт. За ними ползли бесформенные медузообразные существа, они всё вокруг пачкали слизью и потом по стенам домов заползали в открытые окна квартир. И все эти несурзности происходили с левой стороны, с правой же стороны жизнь приморского города текла своим обыкновенным чередом. Ездили автомобили, неторопливо прогуливались отдыхающие, местные торговали фруктами и всё было нормально, спокойно. Олег боролся со своим левым восприятием, тёр глаз, часто моргал, бил основанием ладони по левому виску, но видения не пропадали. Самое интересное ждало его впереди.

Квартирку он нашёл себе недалеко от побережья. Даже не квартирку, а так, комнатуху. За четыре дня с него содрали вперёд пять тысяч. Деньги у него были, команда расщедрилась на сумму равную пятидесяти тысячам. Могло хватить и на отдых, и на лечение, и на обратную дорогу. Олег сделал выбор в пользу отдыха.

Потребности во сне он не чувствовал: грезя наяву, он парадоксально получал дополнительный заряд бодрости. Но водворившись в комнате, он прилёг на настоящую кровать, чтобы вспомнить подзабытое за время экспедиции ощущение. Вообще удобств здесь хватало, если, конечно, сравнивать с теми условиями, в которых он жил последние дни на корабле. А тут кстати подоспел закат. Солнце быстро погружалось в море. Из окна его комнаты хорошо было видно, как угасал день и просыпалась ночь. Вечернее солнце стало похожим на яичный желток, брошенный в голубую миску неба, облитую малиновым сиропом. Олег не любовался закатом, он просто лежал и был не в состоянии нормальным образом пошевелить ни ногой, ни рукой. Пальцы рук прижались один к другому, локти вдавились в бока, а ноги сошлись и образовали временное единое целое с торсом. Состояние частичного паралича продолжалось до тех пор, пока солнце целиком не закатилось за горизонт, и на небе не проклюнулись первые звёзды. Тогда Олега отпустило. Он встал и пошёл умыться. Как и на корабле, туалет в квартире был общего пользования. Остальные жильцы отсутствовали, и он спокойно водворился в ванной. Открыл смеситель, поднёс к струе воды ладони, сложенные ковшиком, и тут почувствовал, что у него из носа потекли сопли. Олег разогнулся и посмотрел в висящее над раковиной зеркало. У него из ноздрей выползала жирная тёмно-зелёная слизь, очень похожая на перекрученные в мясорубке водоросли. И пахла она соответствующе. Он вытерся, смыл с лица зелёные следы. В нём зрело желание: пока он не мог разобраться, чего он хотел, но уже был близок к осознанию факта своего преобразования.

Его тело стало сильным, он чувствовал это по тому с какой силой он теперь мог сжимать кулаки. Наверняка, он смог и подкову разогнуть, попадись она ему под руку. Слава богу, ничего

такое бесполезное его не интересовало – бездумно ставить рекорды было ему не интересно. Он хотел насладиться, или, может быть, разобраться с тем, что с ним происходило. А может, всё-таки насладиться? Нет, но что-то ему всё-таки хотелось.

Олег вышел на улицу. Ярko горели огни, из открытых нараспашку дверей ресторанов гремела живая музыка. Ежегодный праздник имени лета продолжался. Он решил зайти в один из кабаков и подкрепиться. Выбрав себе столик подальше от сцены, где надрывались музыканты, выдавая один хит за другим, он заказал себе солений, слабосолёной сёмги и водки.

Налив себе в рюмку из толстого стекла, с тяжёлым дном, водки, он поднёс её ко рту, но так не смог её опрокинуть. Олегу вдруг стало неуютно, он ощутил в горле настоящий комок, мешавший ему глотать. И этот комок через секунду ожил. Обретя способность общаться непосредственно с разумом Олега, он сообщил ему, что не хочет пить, но очень голоден.

"Я схожу с ума? Что за дикие фантазии свили гнездо в моей голове?"

Испытывая приступ злобы, он что есть мочи сжал в кулаке рюмку, и она лопнула, словно сделанная из жжёного сахара. Её осколки глубоко вошли в ладонь Олега, а один самый крупный кусок порезал запястье. Боли Олег не почувствовал никакой. Слабое покалывание и всё, то есть, абсолютно никаких обычных в таких ситуациях неприятных ощущений. Он посмотрел на порезы: были видны мышцы, и на запястье часть белого шнура сухожилия, а вот кровь не шла. Так, две-три капли. Пить водку он не мог, решил поесть. Соленья не пошли, их вкус стал для него отвратительным, а вот сёмгу он всю съел.

Расплатившись, Олег отправился назад, в снятую им комнату. Постоянная эрекция перестала его мучить, и чувство постоянной озабоченности схлынуло, затаившись где-то среди валунов его потревоженной психики. Стояк отсутствовал, хотя он ни на секунду не сомневался, что в подходящих обстоятельствах его прибор сработает как надо.

До съёмной квартиры Олег так и не добрался. Шёл-шёл и всё время оказывался не там, где нужно. Вроде и от дома зашёл не так чтобы далеко, а найти дорогу назад не мог. К тому же, в его восприятие мира опять произошли изменения. Перед глазами замелькали белые искрящиеся полосы, они вырастали в невидимые обычным зрением холмы и долины. Он мог различать за стенами домов движущиеся силуэты людей, и все встреченные им прохожие, шли окутанные мерцающим ореолом. Изменения в организме нарастали. Он уже стал обладателем шестого чувства – электрорецепции, а возможно отчасти и седьмого – эхолокации. В конце концов, Горохов оказался на окраине города, где его и скрутило. Почувствовав приближение приступа, он едва успел спрятаться в какой-то сточной канаве, как началось. Он ощущал, как его тело меняется, удлиняется, из боков вырастают лохматые ножки, спина твердеет, а живот наползает на ноги. Обычные конечности истончались, атрофировались, и втягивались под жесткий панцирь спины. В результате он стал осознавать себя самым настоящим мадагаскарским тараканом – с человеческой головой на теле мерзкого насекомого.

Лишь под утро его отпустило. Душа Олега наполнилась спокойствием, и теперь он хотел только одного – слиться с природой, стать с ней одним целым, распасться на отдельные элементы, сродниться с ней навсегда. Это желание единения постоянно нарастало, пока не превратилось в оглушающий зов, противиться которому не было никаких сил и возможностей. Как это сделать? Как реализовать столь сильное желание в жизнь? Он понял, как это сделать, на него снизошло внезапное озарение, и единение перестало быть бредовой фантазией.

Олег отправился туда, где его уже ждали. Новый океанариум! Там можно было найти тех, кто бы с удовольствием помог бы ему реализовать его чудной замысел в жизнь.

Дельфинчики, дельфинчики
В моей голове
Мои маленькие птенчики
Моя мечта тебе

"Наконец-то дельфинчики в моей голове успокоились, перестали резвиться и, показав мне дорогу, уплыли далеко-далеко. Ха, и мне пора за ними, туда, где я стану по-настоящему счастлив и свободен".

В этот раз дорогу он нашёл без труда. Мозг привык ориентироваться в пространстве по-другому. Перестроился. Через час он пешком дошёл до Океанариума. Купил билет и вошёл внутрь здания, издалика напоминающее кучу навоза, наваленного доисторическим ящером.

Олега со всех сторон окружали аквариумы с представителями фауны тропических морей. Пучеглазые, разноцветные, оперённые разной формы плавниками морские существа смотрели на Олега, беззвучно уговаривая на своём непонятном большинству людей языке приобщиться к их миру. Найдя то, что ему было нужно, он обнаружил дверь служебного входа и, применив благоприобретённую им силу, нажал на замок, одними пальцами выдавив его из гнезда. Быстро пройдя по коридорам, поднялся по железной лестнице наверх и оказался прямо на краю нужного ему аквариума. В этой стеклянной камере первобытного ужаса, держась ближе ко дну, плавали настоящие волки моря – тупорылые акулы, известные как тигровые.

Здесь в воде резвились древние хрящевые рыбы, аппетиту которых мог позавидовать и прожорливый Гаргантюа. Они знали, они ждали его. Олег, желал стать их пищей, хотел быть переваренным в их желудках. И он стал рвать зубами свои запястья, чтобы привлечь к себе акул запахом свежей крови. Из вскрытых таким варварским способом вен вяло за капала тёмная кровь. Но этого оказалось вполне достаточно. Его заметили и те, и эти. Работники океанариума громко что-то закричали и побежали к нему. Не успели. Олег, раскинув руки в сторону, крестом шагнул в воду. Бултых! Брызги во все стороны! Акулы неприлично засуетились и всей гурьбой, привлечённые сильным запахом такой аппетитной для них крови, кинулись на добычу. Сумбур мельтешащих серых ловких тел, лохмотья рваной плоти, рубиновые вспышки в центре комка пирующих зубастых людоедов – и мечта стать частью мира, атомом биосферы, реализовалась, воплотилась в смерть. Олег перестал быть просто скучным двуногим любителем бифштексов, а обрёл в желудках акул успокоение – вечную жизнь, отдав всего себя без остатка и вернувшись обратно в лоно матери природы.

Под знаком сомбреро

2066 год. Мексика правит миром. 35 лет назад мексиканский учёный, чьё имя до сих пор скрывалось правительством и стало государственной тайной, открыл простой способ превращать воду в зловонную ядовитую жижу цвета детского поноса. В любой водоём, реку, добавлялся тайный реагент и с помощью облучения электромагнитными волнами определённой, неизвестной никому в мире, кроме мексиканцев, частоты воды перерождалась в яд. Захват контроля над мировыми державами проходил тихо, без шума громыхающих орудий и лязга гусениц, без ядерных взрывов и масштабных наступлений войск. Постепенно, за какие-то три года, одна за другой все мировые лидеры попали в зависимость от мексиканской корпорации "Чистая жизнь". Действовали мексиканцы всегда одинаково, придерживаясь один раз и навсегда разработанного ими простого плана. Мексиканские агенты заражали водохранилища, расположенные вокруг столицы, подверженного нападению государства, высыпая в их воды свои ядовитые порошки. Пролетающий высоко в небе спутник всемирной корпорации "Чистая жизнь" посылал импульс, и за считанные часы вода оказывалась не пригодной для употребления. Затем правительству потерпевшей страны предлагалась помощь – на определённых условиях, конечно.

Корпорация в течение нескольких дней монтировала стандартное оборудование для очистительной станции и начинала продавать свои услуги всем желающим, а тех, кто роптал, лишала воды, а значит и жизни. Постепенно корпорация захватывала все крупные промышленные центры страны, а с ними забирала и всю полноту власти себе. Сопrotивляться было бесполезно. При желании мексиканцы могли превратить всю территорию страны в зловонное болото.

Начала свою мировую экспансию Мексика со своих соседей. Сначала отработала технологию захвата на странах Южной Америки. На это ушло всего пять месяцев. После чего она бросила вызов своему северному соседу, первой стране мира – США. Сотворив сенсацию, со штатами мексиканцы разделились всего за три месяца. Америка была поставлена на колени неприлично быстро, не помогла не феноменальная экономическая мощь, ни шантаж применения ядерного оружия. Мексиканцы за неделю заразили большую половину страны, выдвинули ультиматум и победили. Впрочем, и остальные страны артачились не долго. Европа, Россия, Китай, а затем и весь мир признали неоспоримое право мексиканцев распоряжаться, как им вздумается, целым миром. Страна третьего мира, как по мановению волшебной палочки, превратилась в мировую империю. Весь остальной мир был отброшен в своём развитии далеко назад. Воцарилось всеобщее обнищание, население земли сократилось на семь миллиардов человек. Вымерли целые народы, целые страны превратились в кладбища, которые по причине отсутствия в их распоряжении каких-либо значимых ресурсов необходимых «Чистой жизни» мексиканцев не интересовали. Не хватало продуктов, электричества, не говоря уже о вечном дефиците воды. Уровень преступности в странах, попавших в мексиканское рабство, зашкаливал. И лишь в одной стране мира жилось хорошо, просто замечательно. Мексика утопала в роскоши, превратившись в новый Эдем.

Везде стояли эти проклятые станции очистки, на которых могли работать лишь урождённые мексиканцы. Свой секрет они берегли пуще ока. Система безопасности была построена следующим образом: на самой станции в воду, предназначенную для очистки, добавлялись некие химические соединения, причём реакция между отдельными реагентами происходила там же в закрытых реакторах, после чего обработанная смесь попадала в воду, которую облучали электромагнитными волнами, а на выходе имели уже чистую воду, годную для питья. Нужные параметры для генератора электромагнитного излучения получали закодированным сигналом из космоса, его транслировал спутник, на который он передавался из Мексики, из

штаба корпорации "Чистая Жизнь". Код сигнала менялся два раза в сутки и расшифровке он не поддавался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.